

Глава из книги В. Ханевича «Белостокская трагедия»

СИБИРЯК БАХ

Судьба не уготовила сибиряку Баху такой всемирной известности, как его однофамильцу. Более того, о нем не знают современные жители даже в его родном селе Белостоке. А между тем он родился и жил в этом сибирском польском селе, и к тому же был музыкантом, костельным органистом, как и всем известный Иоганн Себастьян Бах.

Впервые о своем земляке с такой известной фамилией услышал я из воспоминаний своей двоюродной бабушки Фелемены, которая рассказала, что еще в двадцатые годы до закрытия в селе костела при торжественных богослужениях на органе играл Станислав Бах, да играл так хорошо и проникновенно, что люди плакали, восхищаясь его игрой...

Что же потом случилось с сельским органистом, она не знала, как не могли о нем рассказать и другие старожилы. Восполнить этот пробел в истории села помогли архивы КГБ. Знакомясь с судьбой ксендза Томского римско-католического прихода, а с 1926 года администратора католической церкви по всей Сибири Юлиана Гронского, арестованного томским ОГПУ в 1931 году, среди материалов его архивно-следственного дела удалось обнаружить копию обвинительного заключения на семерых поляков, арестованных и осужденных в городе Новосибирске в одно время с ксендзом Гронским.

Среди этих семерых оказался и уроженец Белостока, Станислав Михайлович Бах, на момент ареста живший в Новосибирске и служивший органистом в местном костеле.

В отношении всех семерых в обвинительном заключении говорилось о том, что якобы с момента восстановления Советской власти в Сибири «вокруг римско-католического костела в Новосибирске стали группироваться контрреволюционные элементы из среды бывших крупных торговцев, домовладельцев и других лиц, живущих на нетрудовой доход, которые под видом ревностных прихожан костела создали из последнего центр антисоветской работы, на протяжении нескольких лет отрицательно влияли на всю польскую колонию в Новосибирске.

Будучи на протяжении всего этого времени тесно связана с ранее находящимися в Новосибирске ксендзами Жуковским и Михасенком, ныне осужденными за шпионаж, а в последнее время с ныне арестованным ксендзом-администратором Сибири Гронским, эта группа являлась носителем разных контрреволюционных разговоров, исходящих от вышеозначенных ксендзов, и широко использовалась последними в своих контрреволюционных целях...».

Бах Станислав в дополнение к вышесказанному обвинялся еще и в том, что не представлял органам ОГПУ интересующие сведения на ксендзов, с которыми общался. Иначе говоря, его обвиняли за уклонение от доносительства на своих духовных отцов и наставников...

В заключение этого обвинительного постановления в отношении Баха и шестерых его «однодельцев» говорилось, что их следственное дело будет направлено на рассмотрение коллегии ОГПУ для принятия решения. Какое было принято решение в отношении сибиряка Баха, и как сложилась его дальнейшая судьба, в «деле» ксендза Гронского сведений не имелось.

Возможно, что жизненный дальнейший путь костельного органиста Баха так и остался бы для его земляков неизвестным, если бы не книга «Боль людская». В 1991 г. сотрудники управления КГБ по Томской области издали 1-й том книги

памяти томичей, репрессированных в 30- 50 годах на территории области по статье 58 УК РСФСР. Книга состоит из поименного списка всех осужденных по этой контрреволюционной статье Уголовного кодекса. Оказался в этом скорбном списке и Бах Станислав, 1900 года рождения, проживавший перед арестом в селе Татьянавка Шегарского района Томской области и работавший бухгалтером областного дома инвалидов. В книге приводится всего два слова: «Арестован в 1938 году. Расстрелян».

И вот держу в руках уголовное дело на Баха, из которого открывается трагедия человека, уничтоженного, но не сломленного карательными органами. В деле указано, что в 1931 году он был осужден особым совещанием ОГПУ по статье 58-6 и 58-10 УК РСФСР на три года лишения свободы, срок наказания отбывал в Беломоро-Балтийском трудовом лагере. Отбыл срок заключения в 1933 году. С 1933 по 1937 год работал в Ордынском районе Запсибкрая бухгалтером в одном из отделений связи, вместе с женой воспитывал дочерей Янину и Тамару. В 1938 году переехал в Шегарский район и устроился работать в областной дом инвалидов.

Арестовали его 9 февраля 1938 года сотрудники Шегарского РОНКВД Песоцкий и Зоськов в один день вместе с ещё шестью работниками дома инвалидов, в прошлом раскулаченных и высланных в Нарымский округ жителей Западной Белоруссии и Эстонии.

Всех их «объединили» в одну контрреволюционно-шпионско-диверсионную повстанческую группу кулаков-поляков, «действующую» в областном доме инвалидов, и начали выбивать из них признательные показания. Через несколько дней допросов все шестеро «признались» в причастности к указанной повстанческой группировке, «дали» показания против себя и своих товарищей. И только Станислав Бах стоял на своем, упорно отрицая все предъявленные ему обвинения и «факты» антисоветской агитации. «Факты» эти были взяты из так называемых свидетельских показаний руководства дома инвалидов, в частности, Макарова и Александра Филимоненко.

Последний в отношении Баха показал, что «... Бах враждебно настроен к совласти и с момента прибытия в дом инвалидов стал активно проводить среди рабочих и служащих контрреволюционную агитацию. Так, в начале февраля 1938 года в одной из бесед он говорил, что советская власть просуществовала 20 лет и за эти 20 лет немало насосала народной крови, занимается грабежом и разбоем. Никак ей не угодишь, сколько ни работай, все равно останешься виновным о чём-либо. (...) А в январе месяце он говорил так: «Что Советская конституция? Это просто болтовня и останется болтовней. Ничего она не дает - это видно с самого начала ее применения в жизнь. Она нисколько не охраняет интересы трудящихся, в ней говорится одно, а делается другое...», или вот еще говорил: «Говорят, что 20 лет при советской власти строили и много построили, а все ничего нет, только то и есть, что построили заключенные...».

Вполне возможно, что Бах Станислав именно так и думал, ибо предшествующий опыт «тудармейца» Беломорканала на многое ему раскрыл глаза, но, чтобы такое говорить малознакомым людям, а тем более, члену партии и комсомольцу, тот же приобретенный опыт подобного не допускал.

Следователей НКВД, очевидно, интересовали и родственные связи Баха, из которых, возможно, рассчитывали «выудить» не только польское, но и немецкое происхождение его семьи, в чем он их разочаровал. Так, на допросе 17 февраля следователю Песоцкому он заявил, что о происхождении своей семьи не знает, сам родился в Сибири. До революции его семья занималась хлебопашеством, обрабатывая всего 8 десятин земли, из имущества имела двух коров и двух лошадей да деревянный плуг...

Сам он с 1922 по 1925 год учился в Томском музыкальном техникуме. Был органистом в костелах Новосибирска, Томска, родного села Белосток. Из родственников он назвал только мать, проживавшую в Томске с его братом Павлом, работавшим в «Союззаготскоте» счетоводом.

Между тем «следствие» в отношении Баха Станислава, несмотря на его упорное нежелание давать признательные показания на себя и других, а также категорический отказ подтвердить то, в чем «признались» его сослуживцы по дому инвалидов, шло своим ходом.

В обвинительном заключении по делу Станислава Баха, утвержденном начальником Томского горотдела НКВД Овчинниковым, в отношении его говорится, что проведенным следствием доказано, что «...Бах С. М. является активным участником контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации, в которую был завербован сыном помещика Рыбинцовым. Вместе с ним обсуждал план совершения террористического акта над районными работниками в период начала войны, собрал ряд сведений шпионского характера и передал их Рыбинцову, активно распространял к-р фашистскую агитацию, высказывал пораженческие настроения, возводил клеветнические измышления на Советскую власть и партию..».

Одним словом, стандартное обвинение, каких было написано в те годы миллионы. Обычным было и наказание - расстрел по постановлению Особого совещания НКВД от 9 апреля 1938 года. Приговор привели в исполнение 8 мая 1938 года в Томске.

Не избежал участи Станислава Баха и его брат Павел, расстрелянный в Томске 2 июня 1938-года, кстати, в отличие от своего старшего брата, «во всем признавшийся». На этом можно и поставить точку в описании судьбы никому не известного музыканта со всемирно известной музыкальной фамилией. Обычная судьба...

P.S.

Впервые вышеприведённый очерк был опубликован в газете «Народная трибуна» 2 декабря 1992 года. Не зная ничего о судьбе его жены и дочерей, в конце очерка я попросил откликнуться тех читателей, кто мог бы хоть что-то о них рассказать.

Неожиданно для меня письмо с откликом из города Новосибирска прислала одна из дочерей Баха, Янина Станиславовна. А вскоре состоялась в Томске наша встреча, на которую Янина Станиславовна специально приехала. Она привезла с собой сохранившиеся семейные фотографии, рассказала о себе и своей сестре Тамаре, живущей в Магнитогорске.

Их личные судьбы ничем не отличаются от судеб многих и многих дочерей и сынов «врагов народа», оказавшихся на долгие годы изгоями в своей стране. Впрочем, поделилась тогда пани Янина также и своими маленькими семейными радостями. Рассказала, что в своё время хотела стать музыкантом, как и её отец, но не получилось. Зато теперь большие надежды подаёт её внук, уже несколько раз выступавший на музыкальных вечерах и концертах в Новосибирской консерватории. Нереализованные музыкальные способности Станислава Баха нашли своё продолжение в правнуке...

Сама же пани Янина является прихожанкой костёла в Новосибирске, где ей доводится слушать игру местного органиста, исполняющего знакомые с детства произведения. И иногда ей кажется, что это играет её отец...